

Г.В. Любимова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: terra-gl@mail.ru

Культовые и мемориальные места в сельских ландшафтах Западной Сибири: вопросы соотношения и коллективной памяти

На основе подходов, разработанных в рамках этнокультурного ландшафтоведения, а также многолетних полевых наблюдений в степных и лесостепных районах Западной Сибири в статье рассматриваются традиционные и современные модели организации жизненного пространства сельских территорий. Дается обоснование инвариантной структуры сельских культурных ландшафтов, включающей в себя систему поселений, хозяйственных и промысловых угодий, а также культовых памятников. Показано, что конструирование сакральной инфраструктуры сибирских культурных ландшафтов на ранних этапах освоения края было связано с созданием сети народно-православных культов, в основе которых лежали славянские традиции почитания святых мест и сакральных объектов природы, служивших воплощением культурной памяти и локальной идентичности местного населения. Отмечено, что формирование нового символического пространства (советской мемориальной среды), происходившее путем создания памятных мест борцам за советскую власть, трансформировало роль традиционных сакральных центров сельских поселений, функции которых отчасти перешли к новым мемориальным комплексам. Братские могилы участников Гражданской войны, а также мемориалы героям Отечественной войны органично вписались в структуру современных сельских ландшафтов. Вместе с тем, особое внимание в работе уделяется вопросам коммеморации крестьянских восстаний начала 1920-х гг., за которыми в научном и публицистическом дискурсе относительно недавно закрепилось название Сибирской Вандеи. Анализируются причины длительного замалчивания фактов вооруженной борьбы сельского населения против политики большевиков. Приводятся примеры «вернакулярных мест памяти», в т.ч. история происхождения одной из наиболее почитаемых святынь Алтайского края – святого ключа, вобравшего в себя признаки как культового, так и мемориального места.

Ключевые слова: степные и лесостепные ландшафты, Западная Сибирь, сельские территории, символическое пространство, культовые и мемориальные места, коллективная память, Сибирская Вандея.

G.V. Lyubimova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: terra-gl@mail.ru

Cult and Memorial Sites in Rural Landscapes of Western Siberia: Correlation and Collective Memory Issues

Based on the approaches developed in the Cultural Landscape Studies, as well as field materials collected in the steppe and forest-steppe regions of Western Siberia, the article discusses traditional and modern models of rural areas living space organizing. The substantiation of the invariant structure of rural cultural landscapes is provided, which includes a system of settlements, economic and fishing grounds, as well as religious sites. It is shown that the emergence of the Siberian landscapes sacral infrastructure at the early stages of the region development meant the creation of a folk religious network based on the Slavic traditions of venerating sacred places and natural objects that served as an embodiment of cultural memory and local identity of the local population. It was noted that the formation of a new symbolic space, which took place through the creation of memorial sites for the fighters for the Soviet power, transformed the role of traditional sacral centers of rural settlements, since their functions were partially transferred to new memorial complexes. The mass graves of the Civil War participants, as well as memorials to the heroes of the Great Patriotic War organically fit into the structure of modern rural

landscapes. Special attention is paid to the problem of peasant uprisings commemorations of the early 1920s, which were recently named the Siberian Vendée in scientific and publicistic discourse. The reasons for the prolonged silence about the facts of the rural armed struggle against the Bolsheviks policy are analyzed. Examples of the “folk memory places” are given, including the history of one of the most revered shrines of the Altai Territory, that is the holy key, which has incorporated the features of both cult and memorial sites.

Keywords: *steppe and forest-steppe landscapes, Western Siberia, rural areas, symbolic space, cult and memorial sites, collective memory, Siberian Vendée.*

Согласно современным подходам, разработанным в гуманитарной географии, этнической экологии и социальной антропологии, культурный ландшафт является «неотъемлемым аспектом существования... небольших локальных этнокультурных групп» [Каганский, 2009, с. 62]. К числу важнейших принципов данных дисциплин относится, таким образом, изучение локальных сообществ в тесной взаимосвязи с особенностями природы, климата и рельефа. Первичным уровнем анализа культурных ландшафтов оказывается при этом территория, ресурсы которой совместно используются устойчиво существующим во времени хозяйственным коллективом – сельской общиной или этнотерриториальной группой [Ямсков, 2003, с. 63, 70].

Региональная вариативность сельских культурных ландшафтов связана с разнообразными факторами – спецификой хозяйственной деятельности местного населения, расположением сельскохозяйственных и промысловых угодий, особенностями расселения, преобладающим типом построек, культовых сооружений и пр. Вместе с тем, как отмечают авторы, работающие в рамках культурного ландшафтоведения (Cultural Landscape Studies), инвариантный характер традиционной структуры сельских ландшафтов определяется территориальным единством основных функциональных зон. Поскольку генезис культурных ландшафтов сопровождается обычно вырубкой лесов, созданием полей, прокладкой дорог, строительством селений и храмов, в структуру сельских культурных ландшафтов наряду с селитьбой и хозяйственными угодьями, по мнению В.Н. Калущкова, следует включать и сакральные типы мест [Калущков, 2011, с. 25]. В качестве структурообразующих элементов культурного ландшафта Русского Севера М.Е. Кулешова также выделяет отдельные сельские поселения (или их группу – куст), хозяйственные и промысловые угодья (поля, луга, озера, лесные массивы), а кроме того – традиционные сакральные локусы освоенного пространства [Кулешова, 2019, с. 36–37, 42].

Сходной позиции придерживаются исследователи религиозно-мифологических воззрений сельского населения, в т.ч. «крестьянской мифологии ландшафта». Так, по словам А.А. Панченко, струк-

тура культурных ландшафтов сельского типа складывается из системы поселений, земледельческих угодий и культовых памятников. Причем в настоящее время, подчеркивает автор, когда фольклорно-этнографические традиции русской деревни размываются и отмирают, религиозно-обрядовые практики, связанные с почитанием священных камней, родников, деревьев, каменных или деревянных крестов и прочих ландшафтных объектов природного или искусственного происхождения, нередко сохраняются нетронутыми, а в некоторых случаях и возрождаются [Панченко, 1998, с. 12, 67].

Своеобразие сибирских культурных ландшафтов на ранних этапах освоения края было связано с повсеместным утверждением религиозных святынь и символов, означавших включение неизведанных ранее пространств в мир «истинной, христианской веры». И если на макроуровне подобные процессы выражались в строительстве православных монастырей и храмов, которые становились паломническими центрами общесибирского значения, то на микроуровне конструирование сакральной инфраструктуры проявлялось в создании сети народно-православных культов, в основе которых лежали славянские традиции почитания святых мест и сакральных объектов природы [Любимова, 2021, с. 8].

На основе многолетних полевых исследований культурных ландшафтов степных и лесостепных районов Западной Сибири (Алтайский край, Новосибирская и Кемеровская обл.) было установлено, что на протяжении большей части XX в. расположенные в поле или лесу природно-сакральные комплексы (ландшафтные объекты окружающих угодий с сопутствующими им культовыми сооружениями) оставались одним из оплотов народной религиозности. Более того, в советское время, когда количество действующих сельских храмов было невелико, деревенские святыни нередко заменяли местным жителям церковь. Современное состояние народно-православной традиции почитания святых мест, повсеместное возрождение которой в настоящее время происходит при непосредственном участии Русской Православной Церкви, характеризуется регулярным проведением крестных ходов и возведением культовых сооружений (деревянных

крестов, часовен или храмов) в непосредственной близости от объекта природы, наделенного сакральным статусом. В подавляющем большинстве случаев в роли такого объекта выступает водный источник (святой родник или ключ), отмеченный, согласно народным воззрениям, символикой женского плодородящего и исцеляющего начала. Указанная символика поддерживается бытующими вплоть до настоящего времени преданиями о так называемых явленных (всплывающих время от времени из воды) иконах («божественных ликах»), большая часть которых относится к богородичному типу [Любимова, 2013, с. 28, 36].

Само явление божественного образа, пишет в этой связи А.А. Панченко, служит своего рода знаком, посредством которого потусторонний (сакральный) мир «отмечает» выделенность данного места из окружающего пространства, сообщая ему статус священного локуса [Панченко, 1998, с. 135, 139]. При этом основной функцией почитаемых мест, считает автор, является «упорядочивание профанного и сакрального пространства» посредством регулярного контакта мира живых с миром мертвых [Там же, с. 264]. Ареал действия подобных святынь характеризуется распространением локальных мифов и бытовых рассказов о «начале» почитаемого места, его сакральных свойствах (в основном – чудесных исцелениях), наказании святотатцев и неременном восстановлении святости. Закономерное формирование собственного, обращенного в прошлое повествовательного репертуара, происходящее в жизни каждой природной святыни, делает ее, по словам Л.В. Фадеевой, «силовым полюсом» местной традиции, «стустком сакральной и исторической памяти» и в то же время – материальным воплощением «памяти пространства» [Фадеева, 2002, с. 124–125, 130]. По этой причине почитаемые места всегда служат выражением не только культурной памяти, но и локальной идентичности местного населения.

Начиная с 1920-х гг., воплощением коллективной памяти сельского населения об исторических событиях советской эпохи повсеместно становится совершенно новый тип мемориальных мест. Начавшееся сразу после Октябрьской революции формирование нового символического пространства (советской мемориальной среды), отмечает Е.И. Красильникова, происходило путем создания памятных мест борцам за советскую власть [Красильникова, 2016].

Известно, что в случаях, когда речь идет о событиях локальной истории, исторические факты, хранящиеся в коллективной памяти местного населения, обычно соотносятся с конкретным пространственно-географическим локусом, получая

привязку к местному природному и культурному окружению. Локализация исторического события повышает его значимость.

В отличие от сражений Великой Отечественной войны, боевые действия времен Гражданской войны разворачивались непосредственно на территории сибирского региона. В коллективной памяти сельского населения Сибири сохранились сведения о значении отдельных элементов окружающего ландшафта, связанных с дислокацией или гибелью участников вооруженного противостояния (красноармейцев, партизан, колчаковцев и местных крестьянских повстанцев), и даже – легенды о кладах, зарытых при отступлении одной из воюющих сторон. Именно поэтому редкий сельский населенный пункт в обследованных районах не отмечен сегодня мемориалом в память о местных жителях, погибших в годы Гражданской войны.

Мемориализация той и другой войны в сельской местности имеет свои особенности. Первые обелиски односельчанам, погибшим во время Великой Отечественной войны, появились не сразу, а только к двадцатилетию победы, в 1965 г., поскольку в первые послевоенные годы официально считалось, что гораздо важнее «восстанавливать страну, а не увлекаться торжествами и салютами» [Гайна, 2011, с. 121]. Памятники участникам Гражданской войны, напротив, стали появляться практически сразу после окончания военных действий. Чаще всего такие мемориалы представлены братскими могилами односельчан, погибших в борьбе с колчаковцами в 1919 г. Намогильные сооружения выполнены, как правило, в форме увенчанного пятиконечной звездой обелиска с прикрепленной к нему табличкой, на которой перечислены имена партизан, павших за советскую власть. Другие виды мемориальных мест представлены памятными стелами и одиночными могилами. Все памятники данной группы расположены либо в границах жилой зоны (ближе к периферии), либо на территории сельского кладбища. Расположение памятников героям Отечественной войны, имеющих в настоящее время гораздо более важное идеологическое значение, напротив, тяготеет к административно-хозяйственным центрам поселений [Маклаков, 2021, с. 39, 60–61], (ПМА, 2019, р.п. Сузун, Сузунский р-н, Новосибирская обл.). В целом полевые материалы подтверждают выводы авторов сборника «Революция и Гражданская война...» о том, что многие памятники и мемориалы героям и жертвам того времени находятся сегодня в неудовлетворительном состоянии, фактически забыты местными властями, а население уже мало что знает об их смысле и о людях, которым они посвящены [2018, с. 218].

Одной из немногих работ, в которых рассматривается соотношение военно-мемориальных комплексов с традиционными сакральными центрами сельских поселений, является публикация Т.Н. Золотовой. По данным автора, в 1960–70-е гг. во многих селах Западной Сибири на месте разрушенных церквей были установлены памятники воинам, погибшим не только в Отечественную, но и в Гражданскую войну, в результате чего бывшее сакральное место трансформировалось в сакрально-мемориальное пространство, место коллективной памяти сельского населения, где происходят митинги, демонстрации, возложения венков и другие мемориальные акции. Одним из таких мест стал сакрально-мемориальный комплекс в с. Черное Вагайского р-на Тюменской обл., пространство которого включает в себя не только часовню Павшим за Родину в 1941–1945 гг., но и огороженную могилу погибших в ходе «кулацко-эсеровского мятежа» (как принято было называть Ишимское крестьянское восстание в советское время). Несмотря на сложившееся за годы советской власти мнение, что погибшие – «это жертвы белых», автор считает вероятным, что захороненные в братской могиле были «жертвами жестокого подавления Ишимского восстания со стороны красных» [Золотова, 2016, с. 140–142].

Следует отметить, что утвердившийся еще в советское время официальный мемориальный канон характеризовался практически полным замалчиванием фактов вооруженной борьбы местного крестьянского населения против политики большевиков в начале 1920-х гг. Многочисленные восстания сибиряков, сопровождавшиеся жестокими репрессиями и закончившиеся поражениями, пишет в этой связи В.И. Шишкин, плохо вписывались в официальную героико-романтическую концепцию Гражданской войны. Более того, в советское время сформировался идеологический стереотип, в соответствии с которым любая контрреволюционная акция рассматривалась как «черная» страница отечественной истории. Подобного рода события следовало, как считалось, не изучать, а предавать забвению [Сибирская Вандея, 1997, с. 4].

Во многих исследованиях Гражданская война до сих пор продолжает рассматриваться почти исключительно в контексте борьбы «красных» и «белых», тогда как наиболее известным «третьим цветом» в этот период, подчеркивает А.В. Посадский, стал «зеленый». Именно такое название (преимущественно в Европейской части страны) получило крестьянское вооруженное движение 1918–1922 гг., воспринимавшееся в народе «как самостоятельная, мужицкая, противоположная и белым и красным, сила» [Посадский,

2018, с. 279]. Как констатируют авторы сайта, посвященного Тамбовскому (Антоновскому) и Западно-Сибирскому (Ишимскому) крестьянским восстаниям, долгие годы «официальные мемориальные практики формировались лишь вокруг одной из сторон конфликта и представляли собой мемориалы... погибшим красноармейцам, принимавшим участие в подавлении восстаний». В то же время, наряду с официальными местами памяти, «на протяжении всего советского периода существовали и вернакулярные, зачастую никак специально не обозначенные пространства. Они формировали мемориальные практики, позволяющие передавать и воспроизводить не только официальную память победителей, но и более широкий спектр мемориальных нарративов», в т.ч., связанных с коммеморацией участников крестьянских антибольшевистских восстаний 1920–1921 гг. В качестве примера исследователи приводят ни разу не распаханый за все советское время участок поля в с. Протасово Тамбовской обл., где, как считается, были захоронены участники крупнейшего крестьянского восстания – антоновцы. Другим примером подобного рода является памятник тамбовскому мужику. Официально никак не связанный с восстаниями, на вернакулярном уровне сегодня он воспринимается как памятник жертвам Гражданской войны [После бунта, URL].

Особое, промежуточное, положение в ряду культовых и мемориальных мест западно-сибирского региона занимает расположенный в с. Сорочий Лог Первомайского р-на Алтайского края сакральный комплекс, включающий в себя источник со святой водой, поклонный крест, а также скрытую в ближней роще братскую могилу, уход за которыми осуществляют насельницы женского православного скита, построенного неподалеку в постсоветские годы. Обладая рядом признаков, типичных для почитаемого места (рассказы о явленных ликах и чудесных исцелениях, обетные приношения паломников и пр.), указанный локус приобрел в последовавший за окончанием Гражданской войны период дополнительные мемориальные свойства. Согласно донесению алтайских губернских властей, в ходе подавления в 1920 г. «Сорокинского» (с центром в с. Сорокино Заобского р-на Барнаульского у.) восстания, вызванного «недовольством... (со стороны) кулацкого населения» политикой советской власти (прежде всего, «продразверсткой и другими налогами»), «были расстреляны граждане с. Сорочий Лог». Впоследствии «святой ключ», который, как сказано в документе, «открылся» возле могилы «расстрелянных бандитов», стал местом массового паломничества. Долгое время местные жители, утверждают авто-

ры-составители старообрядческой «Повести о святом ключе», могли видеть в воде образы «погибших страдальцев», каждого из которых, как следует из текста, они «знают на имя», поскольку «недалеко от ручья находятся их могилы, куда родственники ходят молиться и поминать убитых» [Любимова, 2013, с. 33–35].

В данном случае, как видим, мифологизация локальных исторических событий, «не вписавшихся» в официальный исторический дискурс, сопровождалась сакрализацией местного ландшафта и была соотнесена с народно-православными практиками почитания святых мест. Значимые этапы в истории почитаемого места (включая массовое паломничество к святому ключу в середине 1920-х гг., инициированную местными властями кампанию по его десакрализации и окончательную апроприацию территории официальными религиозными институтами в 1990-е гг.), изменили его символическое значение (в настоящее время оно воспринимается как «место гибели православных священников и прихожан»), что привело к ситуации взаимного отчуждения сельской святыни и местного населения (ПМА, 2019, 2021).

В заключение отметим, что начиная с 1990-х гг. по аналогии с событиями времен Великой Французской революции (после 200-летнего юбилея, когда присутствовавший на церемонии в качестве почетного гостя А.И. Солженицын впервые высказал мысль о поразительном сходстве восставших французских и тамбовских крестьян) в отечественной историографии и публицистике стали проводиться исторические параллели между крестьянскими антибольшевистскими восстаниями периода Гражданской войны в России и восстанием крестьян департамента Вандея [Сибирская Вандея, 1997 и др.]. В исследованиях, посвященных осмыслению травматического опыта французской национальной истории, говорится, что власти страны долгое время хранили молчание и запрещали говорить правду о событиях в Вандее (что было позднее обозначено как «меморицид») [Мягкова, 2012; Таньшина, 2020 и др.]. Республиканские историки с самого начала пытались представить вандейцев жестокими фанатиками, бандитами и предателями отечества. Однако жители региона всегда боролись против «заговора молчания» и искажения фактов в учебниках истории. Сегодня на территории департамента имеются десятки памятников жертвам революционного террора и сотни мемориальных знаков, связанных с событиями крестьянской войны. Сохранением и приумножением этого наследия занимается историческое общество «Память Вандеи», основанное в 1932 г. [Тамбовская Вандея, URL]. Те же

этапы в осмыслении «болевых точек» российской национальной истории, по всей видимости, предстоит пройти и российской исторической памяти.

Список литературы

Гайна Л. Праздник Дня Победы в современной русской деревне (из полевых наблюдений) // Временник Зубовского института. – 2011. – Вып. 6. – С. 119–123.

Золотова Т.Н. Мемориализация событий Гражданской войны в Вагайском районе Тюменской области // Гражданская война в России 1917–1921 гг.: историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения. – М.: Ин-т наследия, 2016. – С. 139–144.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – 2009. – № 1. – С. 62–70.

Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение. – М.: Геогр. фак-т МГУ, 2011. – 112 с.

Красильникова Е.И. Память сибиряков о Гражданской войне: коммеморации 1920-х – 1930-х гг. // Гражданская война в России 1917–1921 гг.: историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения. – М.: Ин-т наследия, 2016. – С. 29–34.

Кулешова М.Е. Феномен культурного ландшафта Кенозерья // Наследие и современность. – 2019. – № 2 (2). – С. 35–48.

Любимова Г.В. Сибирская традиция почитания святых мест в контексте народной исторической памяти // Studia Mythologica Slavica. – 2013. – Т. XVI. – С. 27–45.

Любимова Г.В. Структура и динамика сельских культурных ландшафтов. Обзор отечественной и англоязычной литературы // Гуманитарные науки в Сибири. – 2021. – Т. 28. – № 2. – С. 5–12.

Маклаков М.И. Места памяти о событиях Гражданской войны в структуре сельских культурных ландшафтов Западной Сибири: мемориалы – практики – нарративы / квалиф. р-та бакалавра, научн. рук. Г.В. Любимова. – Новосибирск: ГИ НГУ, 2021. – 100 с.

Мягкова Е.М. Вандея в исторической памяти французов XIX столетия // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 249–267.

Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. – СПб.: Алетейя, 1998. – 320 с.

Посадский А.В. Зеленое движение в Гражданской войне в России: крестьянский фронт между красными и белыми, 1918–1922 гг. – М.: Центрполиграф, 2018. – 319 с.

После бунта: память о Тамбовском и Западно-Сибирском восстаниях [Электронный ресурс]. – URL: <http://warandpeasant.ru> (дата обращения: 20.09.2021).

Революция и Гражданская война в России: Современная историография / отв. ред. В.П. Любин; ред.-сост. М.М. Минц. – М.: РАН ИНИОН, 2018. – 223 с.

Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году / сост. и отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: Олсиб, 1997. – 710 с.

Тамбовская Вандея. Док. фильм о подавлении восстания крестьян Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. / Реж. А.Г. Денисов. 2007. – URL: <https://youtu.be/KcguU5TiuUo> (дата обращения: 25.08.2021).

Таньшина Н.П. Вандея в исторической памяти и политической культуре Франции // Наука. Общество. Общона. – 2020. – № 8 (2). – С. 14–23.

Фадеева Л.В. «Память пространства»: устные рассказы о святых местах в полевых записях // Славянская традиционная культура и современный мир. – М: Гос. респ. центр русск. фольклора, 2002. – Вып. 4. – С. 124–135.

Ямсков А.Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. – С. 62–77.

References

Denisov A.G. (dir.). Tambovskaya Vandeya. O podavlenii vosstaniya krest'yan Tambovskoy gubernii v 1920–1921 gg. Documentary, 2007. URL: <https://youtu.be/KcguU5TiuUo> (Accessed: 25.08.2021). (In Russ.).

Fadeyeva L.V. «Pamyat' prostranstva»: ustnyye rasskazy o svyatykh mestakh v polevykh zapisyakh. In *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir*. Moscow: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora, 2002, iss. 4, pp. 124–135. (In Russ.).

Gayna L. Prazdnik dnya pobedy v sovremennoy russkoy derevne (iz polevykh nablyudeni). In *Vremennik Zubovskogo instituta*, 2011, iss. 6, pp. 119–123. (In Russ.).

Kaganskiy V.L. Kul'turnyy landshaft: osnovnyye kontseptsii v rossiyskoy geografii. *Observatoriya kul'tury: zhurnal-obozreniye*, 2009. No. 1, pp. 62–70. (In Russ.).

Kalutskov V.N. Etnokul'turnoye landshaftovedeniye. Moscow: State Univ. Press, 2011, 112 p. (In Russ.).

Krasil'nikova Ye.I. Pamyat' sibir'yakov o Grazhdanskoй voyne: kommemoratsii 1920–1930 gg. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii 1917–1921 gg.: istoricheskaya pamyat' i problemy memorializatsii «krasnogo» i «belogo» dvizheniya*. Moscow: Institut naslediya, 2016, pp. 29–34. (In Russ.).

Kuleshova M.Ye. Fenomen kul'turnogo landshafta Kenozer'ya. *Naslediye i sovremennost'*, 2019, No. 2 (2), pp. 35–48. (In Russ.).

Lyubimova G.V. Sibirskaya traditsiya pochitaniya svyatykh mest v kontekste narodnoy istoricheskoy pamyati.

In *Studia Mythologica Slavica*, 2013, iss. XVI, pp. 27–45. (In Russ.).

Lyubimova G.V. Struktura i dinamika sel'skikh kul'turnykh landshaftov. Obzor otechestvennoy i angloyazychnoy literatury. In *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2021, iss. 28, No. 2, pp. 5–12. (In Russ.). doi: 10.15372/HSS20210201

Lyubin V.P., Mints M.M. (eds.). *Revolyutsiya i Grazhdanskaya voyna v Rossii: Sovremennaya istoriografiya*. Moscow: RAN INION, 2018, 223 p. (In Russ.).

Maklakov M.I. Mesta pamyati o sobyitiyakh Grazhdanskoй voyny v strukture sel'skikh kul'turnykh landshaftov Zapadnoy Sibiri: memorialy – praktiki – narrativy: bachelor's degree. Novosibirsk, 2021, 100 p. (In Russ.).

Myagkova Ye.M. Vandeya v istoricheskoy pamyati frantsuzov XIX stoletiya. In *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati*. Moscow: IVI RAN, 2012, pp. 249–267. (In Russ.).

Panchenko A.A. Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskiye svyatyni Severo-Zapada Rossii. St. Petersburg: Aleteyya, 1998, 320 p. (In Russ.).

Posadskiy A.V. Zelenoye dvizheniye v Grazhdanskoй voyne v Rossii: krest'yanskiy front mezhdru krasnymi i belymi, 1918–1922 gg. Moscow: Tsentrpoligraf, 2018. 319 p. (In Russ.).

Posle bunta: pamyat' o Tambovskom i Zapadno-Sibirskom vosstaniyakh. URL: <http://warandpeasant.ru> (Accessed: 20.09.2021). (In Russ.).

Shishkin V.I. (ed.). *Sibirskaya Vandeya. Vooruzhennoye soprotivleniye kommunisticheskomu rezhimu v 1920 godu*. Novosibirsk: Olsib, 1997, 710 p. (In Russ.).

Tan'shina N.P. Vandeya v istoricheskoy pamyati i politicheskoy kul'ture Frantsii. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 2020, № 8 (2), pp. 14–23.

Yamskov A.N. Etnoekologicheskiye issledovaniya kul'tury i kontseptsiya kul'turnogo landshafta. In *Kul'turnyy landshaft: teoreticheskiye i regional'nyye issledovaniya*. Moscow: State Univ. Press, 2003, pp. 62–77. (In Russ.).

Zolotova T.N. Memorializatsiya sobytiy Grazhdanskoй voyny v Vagayskom rayone Tyumenskoy oblasti. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii 1917–1921 gg.: istoricheskaya pamyat' i problemy memorializatsii «krasnogo» i «belogo» dvizheniya*. Moscow: Institut naslediya, 2016, pp. 139–144. (In Russ.).

Любимова Г.В. <https://orcid.org/0000-0003-3538-2806>